

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОЙ»

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «LE SIÈCLE»

Публикация С. А. Макашина

В герценовской переписке за август — октябрь 1869 г. не раз упоминается «дело Оболенской». Видно, что Герцен живо им интересовался, придавал ему большое значение. Однако до сих пор мы не знали, что «делу Оболенской», наделавшему в свое время много шума в русской эмиграции, Герцен не только посвятил газетную статью, печатаемую ниже, но и пытался создать вокруг этого дела широкую общеевропейскую кампанию демократического протеста.

Содержание этого необычного «дела» связано с биографией бывшего московского губернатора, а потом сенатора генерал-лейтенанта князя А. В. Оболенского — человека, пользовавшегося неограниченным доверием и личной дружбой Александра II. Жена князя, урожденная Сумарокова, жила с тремя дочерьми отдельно от мужа в Италии и Швейцарии. Здесь она подружилась с Бакуниным и через него вошла в эмигрантскую среду. Когда в 1866 г. «княгиня-нигилистка» захотела познакомиться с Герценом и Огаревым, Бакунин дал ей рекомендательное письмо, в котором писал: «Она принадлежит к редкому числу тех женщин в России, которые не только сердцем и умом, но также и волею, а когда нужно и делом, сочувствуют нам» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 169). А через три года русский посланник в Швейцарии Н. К. Гирс доносил о ней в Петербург: «...поддав под пагубное влияние политических эмигрантов вреднейшего толка, эта дама, в конце концов, порвала узы, связывавшие ее с семьей и родиной» (см. ниже примеч. 1). Отказ Оболенской вернуться в Россию привел ее мужа в состояние крайнего ожесточения. В июле 1869 г. он вместе с братом приехал в Швейцарию. Заручившись, с помощью Гирса, содействием местных властей, Оболенский силой отобрал у своей бывшей жены двух младших дочерей и увез их в Россию. Через две недели Оболенский вновь появился в Швейцарии. Он искал скрывающуюся от него вместе с матерью старшую дочь Екатерину (позднее ставшую женой С. П. Боткина). Предводительствуя группой швейцарских жандармов, предоставленных в его распоряжение по указанию самого президента Вельте, Оболенский отправился в поход по квартирам русских, а также польских эмигрантов, производя обыски и аресты, сопровождавшиеся иногда и рукоприкладством. Ближайшие друзья Оболенской — Мрачковский, Утин, Щербаков, а также другие эмигранты, ставшие жертвами этого неслыханного произвола, пытались протестовать и сопротивляться. Но, говоря словами Салтыкова-Щедрина, они «не столько сражались, сколько были сражаемы». Утин, например, был сброшен с площадки железнодорожного вагона на рельсы, в результате чего получил ранения, Щербакова избили, Мрачковский был оскорблен подозрением в уголовном преступлении, на Трусова при обыске в его типографии навели пистолет, в квартире Жуковского выломали дверь. Многие из эмигрантов побывали под арестом и в тюрьмах. Над некоторыми нависла угроза высылки из Швейцарии, о чем неофициально ходатайствовал перед президентом Федерального совета посланник Гирс (цитированное выше донесение из Берна от 5/17 июля 1869 г.). Оболенская и ее дочь еще долгое время вынуждены были скрываться.

Первый известный нам отклик Герцена на «дело Оболенской», в письме к сыну от 24 августа 1869 г., носил несколько иронический оттенок. Информация начиналась словами: «...вот роман à la Radcliff и характеристика швейцарских властей...» (XXI, 428). Герцен имел некоторое основание вспомнить, в связи с разыгравшимися событиями, имя знаменитой создательницы «романа ужасов и тайн». В «пражской коллекции» сохранилась обширная записка на французском языке, написанная, вероятно, Эдуардом Бонгаром (Bongard), тоже жертвой «дела», приятелем Мрачковского и самой Оболенской. Он же является автором статьи о «деле Оболенской» в женевской газете «Suisse radicale». Судя по изложению событий в этой записке, они и в самом деле развивались, как в заправском приключенческом романе. Противники преследовали друг друга, устраивали погони, засады и переодевания.

Но Герцен был прежде всего политическим деятелем. При всей своей неприязни к Утину и его группе, он сразу же оценил серьезность и принципиальную важность их попыток противостоять помпадурским подвигам царского генерала в демократической республике. И Герцен тотчас же предложил «молодым» совместные действия для развертывания широкой кампании протеста против вопиющего произвола швейцарских властей и их пресмыкательства перед царским авторитетом, охранявшим самодурство Оболенского. Герцен давно наблюдал, как постепенно вырождалась в мещанской Швейцарской республике одна из «основных политических идей» ее прошлого — «право убежища». Разоблачительной кампанией по «делу Оболенской» Герцен хотел подняться на «общую травлю швейцарской гнусности» (XXI, 488). Он горячо взялся за осуществление своего плана. Полученные «Лит. наследством» из Амстердама новые письма Герцена к Огареву (они печатаются в следующем томе) показывают, сколько энергии и боевого темперамента вложил Герцен в эту полемическую кампанию, каким запасом сил для политической борьбы еще располагал он незадолго до своей смерти. «Давно меня ничего так не двигало, как история Оболенской», — признавался он Огареву в письме от 1 сентября 1869 г. («амстердамская коллекция»). Герцену удалось добиться появления заметки известного журналиста Камила Фарси в «La Liberté» (номер от 30 августа) и напечатать свою собственную статью в «Le Siècle» (номер от 1 сентября), ниже публикуемую. «1 сентября „Siècle“ напечатал мою статью о деле Оболенской, — извещал он Огарева 4 сентября. — Я ее завострил высылкой Маццини из Лугано» («амстердамская коллекция»).

Возможно, что Герцен не ограничился одним выступлением. В письме к Огареву от 1 сентября 1869 г. из Брюсселя он сообщал в связи с делом Оболенской: «Сегодня я пушу брандер в „Indépendance belge“» («амстердамская коллекция»). Отсутствие в библиотеках Москвы комплекта названной газеты не позволило установить, что скрывается за этими словами. Материалы о «деле Оболенской» появились еще в газетах «Rappel», «L'Univers», «Réveil», может быть, и в других. Подводя итоги своим попыткам «вздути европейское дело», Герцен писал Огареву 7 сентября: «Я в Париже пошумел исправно о деле Оболенской» («амстердамская коллекция»).

Однако усилия Герцена не были поддержаны Утиным и его товарищами. Они не выступили в иностранной печати, опасаясь навлечь на себя недовольство швейцарских властей, и ограничились запоздалым изданием политически бесперспективной и не затрагивавшей Швейцарию эмигрантской брошюры: «Протест против русского правительства кн. З. С. Оболенской» (Женева, 1870). «Неужели — спрашивал Герцен Огарева в письме от 1 сентября, — они все не только неспособны на „Народное дело“, но и на свое собственное? Ведь Утин был бит. А сам Бакунин!» («амстердамская коллекция»). Но промолчали не только «молодые». За исключением Бакунина (статья «Бернские медведи и петербургский медведь») промолчала вся русская эмиграция, демонстрируя тем самым бессилие, на данном этапе, защищать свои интересы от натиска реакции.

Герцен остался в одиночестве и должен был с горечью констатировать: «...так же, как в деле Ковалевского, и в деле Оболенской, я ушел дальше бенефициантов — такая судьба» (XXI, 490). О том же, но более резко, сказал он по другому поводу: «Я бросил Швейцарию за гнусные поступки с Оболенской, за подкупленных адвокатов и жандармов. Я в Париже это дело поднял, но наши революционные утяты и бараны ничего не умеют делать и пропустили все сквозь руки» (XXI, 501).

Перепечатываемая из старой парижской газеты забытая статья Герцена является одним из последних по времени документов его борьбы с буржуазной реакцией Запада и, одновременно, его последней попыткой наладить сотрудничество с «мслодой эмиграцией». Этим определяется интерес и значение публикуемого текста для герценовской биографии последнего периода.

Статья появилась в № 12552 «Siècle» от 1 сентября 1869 г. под рубрикой «Нам пишут из Женевы».

Un fait incroyable s'est produit nouvellement en Suisse. Nous serions heureux d'en douter, mais un article de la *Suisse radicale* confirme avec aggravation les récits qu'on nous a faits.

Une dame russe, la princesse Obolenski, séparée depuis longues années de son mari*, général au service de la Russie, vivait avec ses enfants près de Vevey. Sur un mot de l'empereur Alexandre, le prince voulut reprendre ses enfants et les mener en Russie. La princesse refusa d'obtempérer à sa demande. Au lieu de faire un procès à la princesse, le général russe, aidé par les voies diplomatiques, trama un complot avec la police fédérale et cantonale. Un beau matin, à sept heures, il tomba dans la maison habitée par la princesse, accompagné du sous-préfet Dupraz et de gendarmes; s'empara par force des enfants et les envoya à Berne. La fille aînée, n'était pas à la maison. Ayant appris ce qui s'était passé, elle se cacha. Alors commença une perquisition générale dans les maisons des réfugiés russes et polonais. *On ne trouva rien*. Obolenski se transporta à Genève; il trouva la même assistance empressée de la part de la police de Genève, et c'est là que se produisit le fait le plus monstrueux de cette triste histoire. Un général russe en service actif fouille, avec des gendarmes suisses, une des imprimeries des réfugiés russes. Pendant qu'il faisait cette visite domiciliaire, les deux imprimeurs étaient tenus par des gendarmes.

Nous n'entrons dans aucun détail; nous passons les arrestations illégales. Nous attendons comment le conseil fédéral couvrira l'illégalité évidente de ces procédés dans une république.

Lorsque, il y a quelques mois, on éloignait Mazzini malade sans motif sérieux de Lugano, nous pensâmes que la confédération marchait sur un plan incliné; pourtant, nous étions loin de nous imaginer qu'elle se ferait une succursale de la police de Pétersbourg.

A. Herzen

Перевод **:

Недавно в Швейцарии произошел невероятный случай. Мы бы с радостью подвергли его сомнению, но статья «*Suisse radicale*» подтверждает, даже сообщая отягчающие подробности, полученные нами известия.

Одна русская дама, княгиня Оболенская, уже много лет живущая врозь с мужем, генералом русской службы, поселилась со своими детьми около Веве. Исполняя волю императора Александра, князь решил отобрать у нее детей и отвезти их в Россию. Княгиня отказалась подчиниться его требованию. Вместо того, чтобы начать судебный процесс, русский генерал, при содействии дипломатических властей, вступил в разговор с федеральной и кантональной полицией¹. В одно прекрасное утро, в семь часов, в сопровождении супрефекта Дюпра и жандармов, он ворвался в дом, занимаемый княгиней, силой захватил детей и отправил их в Берн. Старшей дочери не было дома. Узнав, что произошло, она скрылась. Тогда начались повальные обыски в домах русских и польских эми-

* По-французски оборот — совершенно неправильный. — *Ред.*

** Перевод М. В. Вахтеревой.

грантов. *Ничего не нашли.* Оболенский поехал в Женеву, где встретил столь же услужливое содействие со стороны женевской полиции, и там произошел самый вопиющий факт в этой печальной истории. Русский генерал, состоящий на действительной службе, обыскивает вместе со швейцарскими жандармами одну из типографий русских эмигрантов². Пока он производил этот домашний обыск, жандармы держали под стражей двух служащих типографии.

Мы не входим ни в какие подробности, мы даже не говорим о незаконных арестах. Мы просто ждем, как оправдает федеральный совет явное беззаконие подобных приемов в республиканском государстве.

Когда несколько месяцев тому назад большого Маццини без всякой серьезной причины выслали из Лугано, мы подумали, что Швейцарская конфедерация катится по наклонной плоскости; однако мы и представить себе не могли, что она станет филиальным отделением петербургской полиции³.

А. Герцен

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Содействие дипломатических властей, оказанное Оболенскому, документируется донесениями в Петербург русского посланника в Берне Н. К. Гирса. Приведем в переводе с французского первое и основное донесение (Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, 1869, д. 12, лл. 100—105). Оно обращено к сенатору Вестману:

Секретно

Берн 5/17 июля 1869 г.

Господин сенатор

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения о происшествии, выудившем меня настойчиво хлопотать перед президентом федерального совета, — о происшествии, которому, вероятно, не миновать некоторой огласки в печати.

Вашему сиятельству, может быть, неизвестны печальные семейные обстоятельства, в силу которых генерал-лейтенант, сенатор кн. Алексей Оболенский вынужден был приехать в Швейцарию с тем, чтобы забрать своих детей, находившихся при матери, уже несколько лет проживающей в кантоне Во, где, подпав под пагубное влияние политических эмигрантов вреднейшего толка, эта дама, в конце концов, порвала узы, связывавшие ее с семьей и родиной.

Тотчас по приезде в Берн кн. Оболенский пришел просить моего содействия в этом деликатном деле. Я с тем большим удовольствием согласился оказать ему свое содействие, так как из достоверного источника знал, что возвращение детей князя в Россию является равным образом волей нашего августейшего повелителя.

Убеденный, что лучшим средством достигнуть цели было бы прибегнуть к поддержке местных властей, я адресовался непосредственно к г-ну президенту Вельте за советом, как нам надлежало поступить в данных обстоятельствах.

Г-н президент с величайшей любезностью тотчас связал нас с одним из лучших адвокатов кантона Во г-ном Серезолем, обещая сверх того и свою помощь.

Ставя, таким образом, вопрос под защиту законов страны, я передоверил ведение дела местным властям, ограничивши свое вмешательство официальным заявлением, что кн. Оболенский правомочен располагать своей отцовской властью и, согласно нашим законам, имеет, следовательно, неоспоримое право забрать своих детей и увезти их в Россию.

Благодаря г-ну Серезолу, кантональные власти Во, признав законность моего заявления, высказали готовность, в случае надобности, прибегнуть к силе, дабы помочь кн. Оболенскому вернуть детей. Так оно и случилось, и только вследствие вмешательства жандармов детей удалось передать отцу. Сопротивление было оказано преимущественно эмигрантами из окружения княгини Оболенской.

Будучи вынужденным остановиться на несколько дней в Берне, кн. Оболенский вскоре убедился, что является мишенью для упомянутых эмигрантов, которые, последовав за ним в этот город, предприняли несколько попыток похитить у него детей. Я почел своим долгом помочь ему в этих тягостных обстоятельствах и взял его детей к себе в дом. Там наши преследователи не посмели нас беспокоить. Но в день отъезда князя, когда он садился в коляску, чтобы ехать ко мне за детьми и отвезти их на вокзал, на него напало восемь человек, пытавшихся задержать коляску. Благодаря ловкости кучера, кн. Оболенскому удалось прорваться, а нападающие, думая, что он направился к следующей станции, поторопились туда, чтобы помешать ему сесть

в базельский поезд. Они незамедлили распорядиться, чтобы на каждой станции, на всем пути следования несколько человек сторожило бы поезд кн. Оболенского.

Узнав об этих событиях, происшедших около пяти часов утра, я поспешил поставить о них в известность президента Вельте, прося его тотчас же принять необходимые меры для обеспечения безопасности семьи Оболенского и дать ему охрану до границы.

Согласно моей просьбе, г-н Вельте, не теряя ни минуты, сделал все, что требовалось в данных обстоятельствах, и предоставил в наше распоряжение кантонального жандармского начальника. В обществе этого официального лица кн. Оболенский доехал до Базеля. Почти на каждой станции он подвергался нападению поджидавших его эмигрантов, но они были отбиты, а пятеро из них арестованы и увезены в Берн. Имен их я еще не знаю, но мне кажется, что Утин был в их числе. Что до князя Оболенского — телеграммой из Берлина он сообщает мне, что благополучно достиг этого города и намерен без промедления продолжать свой путь в Россию.

Г-н Вельте уверяет, что швейцарское правительство собирается покарать упомянутых эмигрантов за совершенные ими преступления. Невероятная наглость, с которой они нарушали общественный порядок, естественно, не может оставаться безнаказанной, и нужно надеяться, что они будут высланы из страны. Как бы то ни было, но это происшествие имело и положительную сторону: оно показало нам эмигрантов в их настоящем свете, отняв у них ореол политического мученичества, который они себе присваивают, и ставя презренных авантюристов на подобающее им место.

Считаю своим долгом добавить, что старшая дочь кн. Оболенского, отсутствовавшая из дома, когда отец забирал детей, до сих пор не найдена. Я уже заручился поддержкой местных властей, чтобы обнаружить место, где укрывают бедного ребенка.

Примите, г-н сенатор, выражение моего глубокого уважения.

Г и р с

Пометка о получении: 9 июля 1869 г.

² Обыск был произведен 14 августа 1869 г. в женевской типографии Трусова.

³ В донесении Гирса в Петербург от 25 июля/6 августа 1869 г. излагаются дебаты на только что закончившейся сессии Федерального парламента Швейцарии. В центре дебатов стоял вопрос о высылке Маццини. Федеральное правительство подверглось при обсуждении этого вопроса сильной атаке со стороны радикальной партии. В решении изгнать Маццини из Швейцарии радикалы усматривали слабость правительства, уступающего иностранному (итальянскому) давлению. Они говорили о позорящем Швейцарию решении выдать политического изгнанника монархическому правительству Италии, лишить его традиционного права убежища и притом без всяких оснований. Далее в донесении излагается выступление президента швейцарской конфедерации Вельте, санкционировавшего, как сказано выше, все бесчинства Оболенского. Гирс остался очень доволен занятой Вельте позицией. Вельте дал общее разъяснение международного значения Швейцарии, как страны, предоставляющей право политического убежища для иностранцев, и охарактеризовал позицию федерального правительства по отношению к политическим изгнанникам. По словам Вельте, швейцарское правительство обязано и будет предоставлять право убежища эмигрантам лишь в той мере и до тех пор, «пока они не будут выходить за пределы своей частной деятельности». «Если политические эмигранты, — сказал Вельте, — приносят в Швейцарию нечто большее, чем самих себя и свои убеждения, если из нашей страны они хотят сделать центр активного политического движения, добиваясь осуществления своих целей любыми средствами, — федеральные власти имеют право пресечь такую деятельность».

Выступление Вельте, по словам Гирса, имело успех и «палата перешла к другим вопросам» (Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, 1869, д. 12, лл. 55—57, об.).